

ЖУРНАЛИСТСКИЙ ТЕКСТ В ЭПОХУ ЕГО ТЕХНИЧЕСКОЙ ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ: ДЕЙНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Предметом рассмотрения в статье является процесс радикального изменения института журналистики. Для его трактовки автор предлагает использовать социологическое понятие деинституциализации. Называются причины этого процесса, в частности свободный доступ к информации и развитие технических средств, позволяющих многократно ретранслировать одно и то же сообщение по разным каналам. Сам процесс деинституциализации трактуется как явление постмодерна, и в наиболее общем приближении он может быть описан классической метафорой перехода от корневого сознания к ризоме. Деинституциализация порождает ряд проблем, таких как проблема авторства текста, проблема непрофессионализма, проблема достоверности информации и т. д., которые могут быть исследованы в русле современных социальных теорий.

Ключевые слова: деинституциализация, журналистика, постмодернизм, социология вещи.

Проблемы современной журналистики удобно рассматривать с точки зрения институционального подхода, то есть подхода к журналистике как к профессиональному институту со своим набором норм и ценностей, в том числе документально зафиксированных, а также повторяющихся видов деятельности. Журналистика как институт предполагает существование редакций, надзорных органов и учреждений, занимающихся профессиональной подготовкой журналистов [1]. Под этим углом зрения совокупность процессов, происходящих в современной журналистике, можно охарактеризовать как *деинституциализацию*.

Так же, как термин «*институциализация*» был заимствован социологическими науками из юриспруденции, термин «*деинституциализация*» заимствован из психиатрии. В контексте социальной истории психиатрии деинституциализация – это процесс отказа от психиатрической помощи в рамках институтов в пользу альтернативных методов лечения [2, с. 335]. В истории он имеет конкретное название – реформа Ф. Базальи, итальянского психиатра и автора работы «Демократичная психиатрия». Термин все чаще используется исследователями в области социальной работы. Как деинституциализацию они описывают процесс сокращения числа детских приютов и перевода детей на воспитание в альтернативные заведения или семьи [3]. То есть мы видим, что в сфере психиатрии и социальной работы термин имеет отношение к механизмам власти и управления, механизмам смены контроля. Здесь он обозначает сознанный процесс, инициируемый частью профессионального сообщества, и власть в нем можно трактовать двояко: в значении опеки над больными (социально незащищенными слоями населения) и в значении осознанного и волевого слома традиционных основ психиатрической и социальной помощи.

---

* © Серебрякова З.О., 2014

Серебрякова Зинаида Олеговна (zserebryakova@yandex.ru), кафедра методологии социологических и маркетинговых исследований, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Более подробно основы деинституциализации как осознанного процесса описывает К. Дернер в работе «Гражданин и безумие: к социальной истории и научной социологии психиатрии». Как синонимы к деинституциализации он использует понятия дегоспитализации, деколонизации, эмансипации психических больных. Деинституциализация у Деннера выступает в трех аспектах: как деколонизация непригодных к труду групп населения, как эмансипация природы и эмансипация неиндустриальной части мира. Общий смысл всех трех аспектов кроется в создании базы взаимопомощи тех, кто до сих пор эксплуатировался обществом [4, с. 10]. Кстати, у Деннера встречается мысль, оправдывающая социологическое заимствование термина деинституциализации из психиатрии. «Обе науки – социология и психиатрия – привыкли опираться на понятийный аппарат других дисциплин... Почти все социологические школы, особенно со времен Фрейда, используют психиатрические термины, которые в конечном счете часто переводят анализ в экономические категории» [4, с. 24].

В работе «Хороший врач. Учебник основной позиции врача» Дернер раскрывает еще одну трактовку деинституциализации. Если ранее он говорил о *деинституциализации внешней*, то теперь затрагивает тему *внутренней деинституциализации*: «Мое врачебное отношение и действия будут этически правомерными только в том случае, если я своей внутренней установкой.... буду стремиться к возвращению клинике ее первоначального смысла – врачевания – через внешнюю и внутреннюю деинституциализацию, пусть даже и с ущербом для самого заведения» [5, с. 326]. Он говорит, что врачу, который не хочет быть усыпленным принадлежностью к какому-либо институту, необходим неистощимый запас энергии самоограничения.

Такую трактовку термина развивают современные российские философы и социологи. В.Л. Лехциер рассматривает ее как осознанную позицию человека, который руководствуется в своей деятельности самой «сутью дела», этическим смыслом профессии, а не той институциональной логикой, которая пытается подчинить себе практический разум и моральные принципы. «Деинституциализация – это шпионологическая стратегия человека, специалиста, профессионала, пребывающего в недрах тех или иных институций и выполняющего свои профессиональные обязанности, но не только не отождествляющего себя с этими институциями, но занимающего по отношению к ним жесткую критическую позицию...» [6].

Обращаясь к деинституциализации журналистики, мы имеем в виду разрушение рамок классического института журналистики, фактическую потерю им монопольного права производства и трансляции общественно значимой информации, производство журналистских практик вне профессиональных редакций, теле- и радиоконпаний. Мы видим здесь деинституциализацию уже в третьем смысле – не как механизм управления и не как специфическую формулу профессиональной этики, а как следствие глобальных и объективных изменений в сфере технологий, статуса журналистского текста и журналистской деятельности в поле постмодерна. «Объективных» здесь означает, что этот процесс не инициирован профессиональным сообществом, скорее, само профессиональное сообщество оказалось поставлено перед фактом, втянуто в совершенно новую информационную реальность.

Прежде всего деинституциализация проявляется в сокращении количества редакций печатных изданий [7]. Об этой проблеме говорят многие российские исследователи – традиционные СМИ теряют аудиторию, которая уходит «в сеть». Читатели больше не хотят платить за информацию, которую можно получить бесплатно. Еще одно проявление деинституциализации – определенный вотум недоверия профессиональным СМИ. Он связан с чрезмерной коммерциализацией медийных организаций, использованием СМИ для манипулятивного воздействия на граждан [8], а также с «виртуализацией», мистификацией фактов [9]. Третье, но далеко не последнее проявление деинституци-

лизации – недоверие журналистскому образованию. Являясь достаточно спорной, эта проблема тем не менее активно изучена российскими и зарубежными исследователями. С одной точки зрения, она рассматривается в аспекте тотального недоверия, то есть присутствует мнение, что журналистике в принципе нельзя обучить, что это деятельность, к которой необходимо иметь особую предрасположенность [10]. Вторая точка зрения рассматривает проблему образования с позиции медиаконвергенции.

Е.А. Баранова, автор работ по медиаконвергенции, в одной из публикаций приводит результаты экспертного опроса 20 представителей российских и зарубежных СМИ в 2010 году. Более половины опрошенных считает, что журналистское образование должно перманентно меняться в сторону обучения навыкам работы с мультимедийной средой [11]. Об этом же говорит президент факультета журналистики МГУ, исследователь Я.Н. Засурский, акцентируя внимание на проблемах журналистского образования в информационном обществе [12], а также ряд других исследователей, в том числе зарубежных [13].

Возникновение альтернативных каналов распространения информации (социальные сети, блоги, видеоканалы), трансформация новости и отношения к ней в конвергентном пространстве также являются проявлениями деинституциализации. Этим проблемам посвящены работы исследователей А.Г. Качкаевой [14], Е.Л. Вартановой [15], И.И. Засурского [16], И.В. Зиновьева [17] и других. Проблему разрабатывают и зарубежные исследователи новых медиа, такие как Дж. Павлик, [18], Дж. Уилкинсон и А. Грант [19], С. Куинн [20]. Обобщая их исследовательский опыт, можно сказать, что мультимедийность меняет не только форму, но и философию новостей. Она приводит к появлению новых синтетических жанров, которые не укладываются в традиционные (в какой-то мере их можно назвать институциональными) классификации.

Драйвером процесса выступает тенденция государственного регулирования СМИ, которая в определенной мере вызывает рост протестных настроений у части общества и активизацию поиска альтернативных источников информации [21]. Участники дискурса пытаются генерировать новости в обход официальных СМИ, самостоятельно формировать площадки для их размещения и обсуждения. Основную роль в этом процессе играет Интернет, позволяющий создавать новые, неподконтрольные дискурс-площадки. Не случайно активизировались и попытки государственного регулирования Интернета, которые направлены на блокирование именно этой возможности глобальной сети.

Деинституциализация, в нашем смысле, объяснима и с точки зрения современной философии и социальной теории. Совершенно очевидно, что она может быть рассмотрена как сугубо постмодернистское явление, возникновение которого объясняется структурными изменениями в социальной жизни. Уход от модерна, попытка переосмыслить реальность приводят к разрушению структуры сложившихся институтов и явлений. В этом контексте известная философская метафора перехода от корневой системы структурированного модерна к ризоме неструктурированного постмодерна применима и к процессу деинституциализации. В работе «Ризома» Ж. Делез и Ф. Гваттари объясняют, что ризома – это отсутствие иерархичных вертикальных связей. Это сеть, горизонтальное взаимодействие всех элементов друг с другом [22]. В отличие от институциализированной журналистики, имеющей строгую логику процессов, понятные нормы, правила и принципы деятельности, деинституциализированная журналистика представляет собой совокупность элементов, связанных друг с другом глобальной сетью – Интернетом. Даже в случае выхода отдельных элементов из пространства сети (что, к слову, допускает классическая метафора ризомы), они все равно возвращаются в нее в момент передачи информации, которая сегодня невозможна без использования интернета и локальных компьютерных сетей.

В журналистике процесс деинституциализации протекает особенно явно, так как данная сфера, по распространенному мнению, не является узкопрофессиональной (как,

например, психиатрия) и в то же время она крайне интересна большинству участников социальной жизни. «Журналистика — четвертая власть» — это высказывание сегодня подвергается обоснованной критике, однако в настоящий момент оно все еще актуально. Отсюда желание участников медийного дискурса влиять на процесс формирования новостей, участвовать в их создании. Более очевидным становится тот факт, что для создания новостей достаточно, используя термины Альфреда Шютца, статуса *хорошо информированного гражданина* (а не *эксперта*) [23]. Тенденция непрофессионализма, о которой много говорится в журналистике, есть не что иное, как сокращение в профессии числа *экспертов* и рост числа *хорошо информированных граждан* — блоггеров, представителей гражданской журналистики, «случайных репортеров».

Хорошо информированный гражданин в журналистике не обладает и чаще всего не стремится обладать знаниями профессионала, однако его не устраивает состояние индифферентности, внушаемости и неосведомленности человека с улицы. Хотя журналистика не является его профессией, он имеет собственное мнение и стремится его высказать. В процессе деинституционализации именно хорошо информированный гражданин составляет конкуренцию эксперту.

Данный тезис можно развернуть, обратившись к анализу отмеченного процесса с методологических позиций социологии вещей и т. н. «материального поворота» в социологии, который связывают с именами Б. Латура и К. Кнорр-Цетины [24]. Б. Латур говорит о включении вещей (сегодня — это гаджеты) в процесс социального взаимодействия. Причем они начинают действовать не как «обрамление» взаимодействия, а как самостоятельный актант [25]. Человек может делегировать часть своих функций или действий предмету, который будет включаться в социальное взаимодействие. Схожие размышления мы видим у Э. Юнгера, который говорил об особой роли камеры и фотоаппарата. Предвосхищая некоторые идеи Б. Латура, Юнгер писал, что вещь может быть самостоятельным актантом, фотокамера здесь не только вступает в социальное взаимодействие, но и вытесняет само событие на второй план.

Действительно, сложная социальная жизнь предполагает не только формы традиционного социального взаимодействия (включая, безусловно, взаимодействие «лицом-к-лицу», которое в журналистике все еще сохраняется), но и смещение функций, их делегирование, причем не столько другим живым существам, сколько предметам. В журналистике почти все практики опосредованы техническими средствами. Даже процесс получения информации часто происходит посредством телефонной связи или глобальной сети — журналисты часто заменяют живое интервью скайп-интервью или телефонным интервью. Источником новостей часто становятся пресс-релизы. Процесс съемки видео и иллюстративного материала фактически делегируется фотокамере, видеокамере или даже сотовому телефону. Причем современный уровень развития технологий привел к тому, что даже актер уровня *хорошо информированного гражданина* сумеет воспользоваться техническими средствами для создания новости. От него не требуется специальных навыков — интерфейс современных технических средств таков, что ими может воспользоваться даже непрофессионал. Более того, камере уже делегировали умение фиксировать (иногда фиксировать, передавать и воспроизводить) информацию. При помощи современного фотоаппарата очень сложно сделать плохой снимок — производители создают для этого режимы стабилизации изображения, автофокуса и т. д. Таким образом, камера активно включается в процесс создания новости, опосредуя действия ее владельца. В какой-то мере создатель новости попадает в зависимость от технических средств, которые он использует, ведь фактически без них он не сможет выполнять свои функции. А функция транслятора сообщения, которую обычно выполняют профессиональные средства массовой информации, делегируется Интернету — социальным сетям, видеоканалам, блогам, личным сайтам создателей новости.

С журналистской деятельностью сегодня может соприкоснуться человек, который случайно заснял падение метеорита на видеорегистратор своего авто или сделал случайный удачный снимок. И если раньше это не делало его причастным к журналистике, т. к. он не относится к когорте профессионалов, то теперь признание профессионального сообщества вовсе не требуется. Вообще сегодня границы отнесения той или иной деятельности к журналистике по разным причинам размыты. Здесь играет роль и уже упомянутое недоверие (к институциональным СМИ и образованию), и техника, которая уравнивает в правах и возможностях профессионалов и непрофессионалов. Лояльность в вопросах отнесения деятельности к журналистике связана еще и с тем, что случайный репортер пускай единожды, но вносит вклад в создание глобального медиаконтента. Его материал может быть использован профессиональными редакциями наряду с материалами профессиональных журналистов. Его видео может появиться в ленте новостей, иногда даже с указанием авторства. Если это произойдет, то для читателя он автоматически становится журналистом, даже если изначально он им не являлся.

Таким образом, в эпоху деинституционализации не только меняется отношение к журналистскому творчеству, но и стираются рамки журналистики как процесса производства информации. Все сложнее определить, по каким критериям субъект становится субъектом журналистики.

Наше объяснение деинституционализации до сих пор было связано с плоскостью производства информации. Однако здесь есть еще один принципиальный угол зрения, через который вскрываются проблемы оригинальности сообщения, его авторства и вообще принадлежности сообщения к журналистике. Этот угол зрения связан с копированием и репродуцированием информации. Стоит сразу оговориться: если производство информации еще можно рассматривать в отрыве от процесса ее репродуцирования, то обратная модель не работает. Попытаемся объяснить при помощи метафоры ризомы: мы можем проследить момент ее возникновения, однако потом, когда она разрастается, точку отсчета найти уже невозможно. Именно поэтому многие исследователи журналистики видят проблему авторства произведения в его легкой тиражируемости.

О тиражируемости текста, правда, художественного, еще почти век назад говорили П. Валери и В. Беньямин. Работа Беньямина «Произведение искусства в эпоху технической воспроизводимости» посвящена изменению позиции произведения искусства 30-х годов XX века в поле культуры. Беньямин отмечает, что техническое репродуцирование искусства – это явление, которое приобретает большое историческое значение: «На рубеже XIX и XX веков средства технической репродукции достигли уровня, находясь на котором они не только начали превращать в свой объект всю совокупность имеющихся произведений искусства и серьезнейшим образом изменять их воздействие на публику, но и заняли самостоятельное место среди видов художественной деятельности» [26]. Идеи, заложенные в работе, более чем актуальны и в наше время применимы к современной журналистике. Как и в сфере искусства, в современной журналистике размываются грани подлинности, оригинальности, авторства. Наряду с оригинальными текстами Интернет продуцирует переработанные, составленные из опубликованных ранее фрагментов материалы. Само репродуцирование сообщения становится проблемой и приводит к тому, что мы часто имеем дело с журналистикой не как с *производством* публичной информации, а как с ее *воспроизводством* – копированием и ее трансляцией.

Отчасти идеи Беньямина сходятся с идеями уже упомянутого нами Э. Юнгера. Они оба говорят о потере сущности события из-за возможности его репродуцирования: «Событие не привязано ни к особому пространству, ни к особому времени, поскольку оно может быть повторено в любом месте и сколь угодно часто воспроизведено» [27, с. 519]. Применительно к современной журналистике это означает тира-

жируемость текстов, что вновь обостряет проблему авторства и еще больше стирает границы институциональной журналистики.

В свою очередь, как отмечал почти век назад П. Валери, становление искусств и практическая фиксация их видов происходили в эпоху, существенно отличавшуюся от нашей. Они осуществлялись людьми, чья власть над вещами была незначительна в сравнении с той, которой обладает современное общество. Данное высказывание более чем применимо к российской журналистике: ее становление происходило в то время, когда никто не мог предположить, что вскоре одним из ключевых факторов причастности к производству публичной информации станет умение пользоваться современными техническими средствами. Талант в журналистике ничуть не обесценен, но он больше не является «ситом», которое позволяет отличить потенциального журналиста от дилетанта.

Основная компетенция журналиста сегодня – умение быстро ориентироваться в массивах информации, пользоваться возможностями телефонии и Интернета, умение быстро запечатлеть наиболее интересные моменты на камеру (иногда – на камеру сотового телефона). Как в искусстве больше нельзя отвергать влияние технологии на процесс творчества, так и в журналистике нельзя отвергнуть факт, что технологии стали одним из главных составляющих профессии. «Во всех искусствах есть физическая часть, которую уже нельзя больше рассматривать и которой нельзя больше пользоваться так, как раньше; она больше не может находиться вне влияния современной теоретической и практической деятельности... Нужно быть готовым к тому, что столь значительные новшества преобразят всю технику искусств, оказывая тем самым влияние на сам процесс творчества и, возможно, даже изменят чудесным образом само понятие искусства» [28].

Размытие граней подлинности в журналистике действительно стало проблемой: в эпоху тотальной трансляции медиаинформации один и тот же текст может использоваться на разных порталах, его цитируют, переписывают (рерайт новостей) и снова публикуют. И опять же, рост технических возможностей меняет саму структуру воспроизводства информации. С появлением различных методов технической репродукции текста его экспозиционные возможности выросли в таком объеме, что количественный сдвиг в балансе его полюсов переходит в качественное изменение его природы.

В конечном счете деинституционализация журналистики означает потерю ее традиционными институтами эксклюзивного права на производство и распространение массовой и социально значимой информации, а также надежду потребителей информации на ее независимые источники. Но если до недавнего времени такая надежда казалась очевидной, то сейчас она ставится под вопрос в связи с актуализировавшейся в обществе информационной войной, которая, в свою очередь, также требует тщательного изучения.

Библиографический список

1. Осипов Г.В., Кравченко А.И. Институциональная социология // Современная западная социология. Словарь. М., 1990.
2. Ястребов В.С. Организация психиатрической помощи: Исторический очерк // Руководство по психиатрии / под ред. А.С. Тиганова. М., 1999. Т. 1.
3. Володина Ю.А., Матяш Н.В., Сидорина М.С. Деинституционализация детей-сирот в открытом социокультурном пространстве: монография. М., 2012.
4. Дернер К. Гражданин и безумие. К социальной истории и научной социологии психиатрии / пер. И.Я. Сапожниковой; под ред. М.В. Уманской. М., 2006.
5. Дернер К. Хороший врач. Учебник основной позиции врача / пер. И.Я. Сапожниковой и Э.Л. Гушанского; под ред. М.В. Козырева. М., 2006.
6. Лехциер В. О деинституционализации. Засекин.ру. URL: <http://zasekin.ru/lehcier/2012/05/02/o-deinstitutczializaczii>.
7. Доклад «Будущее рынка российских СМИ». Международная конференция АРПП 2013 г. URL: <http://planetasmi.ru/blogi/comments/19313.html>.

8. Короченский А.П. Источники кризиса доверия. Главные причины недоверия к СМИ // Журналистика и медиарынок. 2006. № 12.
9. Понзин В.Ф. Современные СМИ: между правдой и вымыслом // Медиаскоп. 2014. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1513>.
10. Володина Ю. Кадры в СМИ: количество не значит качество. По материалам круглого стола «Кадры СМИ: проблемы и пути их решения», организованного ФАПМК и журналом «Журналист». URL: <http://www.adme.ru/business/kadry-v-smi-kolichestvo-ne-znachit-kachestvo-7734>.
11. Баранова Е.А. Процесс конвергенции СМИ и журналистское образование. Медиаскоп. 2010. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru>.
12. Засурский Я.Н. Журналистское образование в информационном обществе // Вестник Московского университета. Серия журналистика. 2006. № 4. С. 3–20.
13. Marinho S. P., Tarcia L. Challenges and new ways of teaching journalism in times of media convergence // Brazilian journalism research. 2008. Vol. 4. № 2. Semester 2. P. 29–53.
14. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А.Г. Качкаевой. М., 2010.
15. Варганова Е.К. чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество. 1999. № 5. С. 11–14.
16. Засурский И.И. Интернет и интерактивные электронные медиа: исследования: сб. Лаборатории медиакультуры, коммуникации, конвергенции и цифровых технологий. М., 2007.
17. Зиновьев И.В. Журналистика в информационном обществе: технологические итоги и творческие перспективы // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 1(98). С. 14–20.
18. Pavlic J.V. New Media Journalism // 21st Century Communication. A Reference Handbook. Volume 1 & 2 / ed. By William F. Eadie. Los Angeles, 2009.
19. Grant A., Wilkinson J. Understanding Media Convergence, New York. N.Y.: Oxford university press, 2008. 320 p.
20. Quinn S. Convergent Journalism: The Fundamentals of Multimedia Reporting. N.Y.: Peter Lang, 2005.
21. Короченский А.П. Источники кризиса доверия. Главные причины недоверия к СМИ // Журналистика и медиарынок. 2006. № 12. С. 44–46.
22. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато / пер. Я.И. Свирский. М., 2010.
23. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; научн. ред. пер. Г.С. Батыгин. М., 2003.
24. Вахштайн В. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей / под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 7–42.
25. Латур Б. Об Интеробъективности // Социология вещей / пер. А. Смирнова, под ред. В. Вахштайна. М., 2006, С. 169–198.
26. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / предисл., сост., пер. и примеч. С.А. Ромашко. М., 1996. С. 15–66.
27. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб.: Наука, 2000;
28. Валери П. Об искусстве / пер. В.М. Козовой, предисл. А.А. Вишневого. М., 1976.

References

1. Osipov G.V., Kravchenko A.I. Institutional sociology. *Modern Western Sociology. Dictionary*. М., 1990. [in Russian]
2. Yastrebov V.S. Organization of psychiatric help: Historical sketch. *Guidance on psychiatry*. A.S. Tiganov (ed.). М., 1999, Vol. 1. [in Russian]
3. Volodina Yu.A., Matyash N.V., Sidorina M.S. *Deinstitutionalization of orphaned children in open sociocultural space. Monograph*. М., 2012. [in Russian]
4. Derner K. Citizen and Madness. On the social history and scientific sociology of psychiatry. Translation by I.Ya. Sapozhnikova, M.V. Umanskaya (ed.). М., 2006. [in Russian]

5. Derner K. Good doctor. Textbook of a principal position of a doctor. Translation by I.Ya. Sapozhnikova and E.L. Gushansky, M.V. Kozyrev (ed.). M., 2006. [in Russian]
6. Lekhtsier V. On deinstitutionalization. *Zasekin.ru*. Retrieved from: <http://zasekin.ru/lehcier/2012/05/02/o-deinstitutczializaczii>. [in Russian]
7. Report «Future of market of Russian mass media». International conference of ARPP, 2013. URL: <http://planetasmi.ru/blogi/comments/19313.html>. [in Russian]
8. Korochensky A.P. Sources of crisis of distrust. Main causes of distrust to mass media. *Zhurnalistika i mediarynok [Journalism and media market]*, 2006, no. 12. [in Russian]
9. Ponzin V.F. Modern mass media between truth and falsehood. *Mediaskop [Mediascope]*, no. 2, 2014. Retrieved from: <http://www.mediascope.ru/node/1513>. [in Russian]
10. Volodina Yu. Cadres in mass media: Quantity doesn't mean quality. On materials of round-table conference «Cadres in mass media: problems and ways of their solution», organized by FAPMC and journal «Journalist». Retrieved from: <http://www.adme.ru/business/kadry-v-smikolichestvo-ne-znachit-kachestvo-7734>. [in Russian]
11. Baranova E.A. Process of convergence of mass media and journalistic education. *Mediaskop [Mediascope]*, no. 1, 2010. Retrieved from: <http://www.mediascope.ru>. [in Russian]
12. Zasursky Ya.N. Journalistic education in information society. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya zhurnalistika [Vestnik of Moscow University. Series Journalism]*, 2006, no. 4, p. 3–20. [in Russian]
13. Marinho S. P., Tarcia L. Challenges and new ways of teaching journalism in times of media convergence. *Brazilian journalism research*, Vol. 4, no. 2, Semester 2, 2008, pp. 29–53.
14. Journalism and convergence: why and how traditional mass media turn into multimedia ones. A.G. Kachkaeva (ed.). M., 2010. [in Russian]
15. Vartanova E.V. To what leads convergence of mass media? *Informatsionnoe obshchestvo [Information society]*, 1999, no. 5, pp. 11–14. [in Russian]
16. Zasursky I.I. Internet and interactive electronic media: researches: collection of Laboratory of media culture, communication, convergence and digital technologies. M., 2007. [in Russian]
17. Zinoviev I.V. Journalism in information society: technologic results and creative perspectives. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury [Proceedings of Ural Federal University. Ser.1: Problems of education, science and culture]*, 2012, no. 1 (98), p. 14–20. [in Russian]
18. Pavlic J.V. New Media Journalism. *21st Century Communication. A Reference Handbook*. Volume 1 & 2. William F. Eadie (ed.). Los Angeles, 2009.
19. Grant A., Wilkinson J. Understanding Media Convergence, New York, NY, Oxford university press, 2008, 320 p.
20. Quinn S. Convergent Journalism: The Fundamentals of Multimedia Reporting. N.Y., Peter Lang, 2005.
21. Korochensky A.P. Sources of crisis of distrust. Main causes of distrust to mass media. *Zhurnalistika i mediarynok [Journalism and media market]*, 2006, no. 12. [in Russian]
22. Deleuze G., Guattari F. *Capitalisme et Schizophrénie 2. Mille Plateaux*. Transl. Ya.I. Svirsky. M., 2010. [in French]
23. Schutz A. Conceptual structure of everyday world. Sketch book on phenomenological sociology. A.Ya. Alkhasov (compiler); translation by A.Ya. Alkhasov, N.Ya. Mazlumyanova; Scientific editor of translation G.S. Batygin. M., 2003. [in German]
24. Vakhshayn V. Sociology of things and «turn to material» in social theory. *Sociology of things*. V. Vakhshayn (ed.). M., 2006, pp. 7–42. [in Russian]
25. Latur B. On interobjectivity. *Sociology of things*, transl. by A. Smirnov, V. Vakhshayn (ed.). M., 2006, pp. 169–198. [in Russian]
26. Benyamin V. Work of art in the epoch of its technological reproducibility. Introduction, composition, translation and notes by S.A. Romashko. M., 1996, pp. 15–66. [in Russian]
27. Yunger E. Working man. Domination and Gestalt. Total mobilization. On pain. SPb.: Nauka, 2000. [in Russian]
28. Valery P. On art. Transl. by V.M. Kozova, introduction by A.A. Vishnevsky. M., 1976. [in Russian]

*Z.O. Serebryakova****JOURNALISTIC TEXT IN THE EPOCH OF ITS TECHNICAL REPRODUCIBILITY: DEINSTITUTIONALIZATION OF JOURNALISM**

This article discusses the process of radical changes of the Institute of journalism. For its treatment the author suggests to use the sociological definition of deinstitutionalization. The causes of this process, in particular free access to the information and the development of technical means that allow retransmitting the same message in different channels repeatedly. Deinstitutionalization itself is treated as post modernistic phenomenon, and in the most general approximation can be described by classical metaphor of transition from the root consciousness to the rhizome. Deinstitutionalization engenders a number of problems, such as the problem of text authorship, the problem of incompetence, the problem of accuracy of information, etc. that can be investigated in line of modern social theories.

Key words: deinstitutionalization, journalism, postmodernism, sociology of things.

---

* *Serebryakova Zinaida Olegovna* (zserebryakova@yandex.ru), Department of Methodology of Sociological and Marketing Researches, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.